

УДК: 903.27(571.15)
ББК: 85.19; 85.103(2)2
А43
DOI: 10.18688/aa177-1-5

П. П. Азбелев

Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний

Пазырыкская культура древних кочевников Горного Алтая (вторая половина I тыс. до н.э.) знаменита хорошей сохранностью органических материалов. Благодаря под-курганной мерзлоте до наших дней дошли замечательные художественные памятники древних кочевников — резные изделия из дерева, предметы и фигурки из войлока и кожи, одежда, конская узда и сбруя, прославленные ковры и т.д. В этом ряду особое место занимают древнейшие сохранившиеся художественные татуировки. Иногда они видны невооружённым глазом, порой — только при помощи специального оборудования. Несмотря на то, что с открытия первой татуировки прошло без малого семьдесят лет, специальных работ, посвящённых исследованию этих замечательных памятников, на удивление мало: в основном это публикации материала, сопровождаемые комментариями первооткрывателей; другие авторы, как правило, лишь затрагивают тему татуировок в связи с исследованиями иных материалов.

Татуировки сохранились на мумифицированных останках семи человек из пяти погребений: курганы 2 и 5 Пазырыкского могильника (в обоих случаях мужчина и женщина), курган 1 могильника Ак-Алаха-3 (женщина), курган 3 могильника Верх-Кальджин-2 (мужчина) и курган 1 могильника Олон-Курин-Гол-10 в Северо-Западной Монголии (мужчина). В последнем случае рисунок крайне фрагментарен и не реконструируется, но в остальных — «читаются» как сами изображённые фигуры, так и образуемые ими композиции. Во всех случаях фигуративные изображения выполнены в зверином стиле¹.

Имеющаяся ныне серия татуировок невелика, но при этом они, во-первых, поддаются первичной систематизации (Рис. 1, 3), а во-вторых, вписываются в широчайший контекст декоративно-прикладного искусства древних кочевников. В исследовании этих памятников древнего искусства особую роль сыграло обнаружение в 2004 г. новых татуировок на мумиях из Пазырыкского могильника, хранящихся в Эрмитаже. Именно благодаря этому открытию стало понятно, что можно, несмотря на малую численность находок, говорить о существовании двух устойчивых наборов изображений — условно

¹ Подробные описания татуировок даны находчиками и публикаторами — С. И. Руденко, Н. В. Полосьмак, Л. Л. Барковой, С. В. Панковой, В. И. Молодиным [10, с. 136–142; 9; 5; 3, с. 99–100; 8, с. 28, 35; с. 115, рис. 105, 106].

	мужские		
	Пазырык II	Пазырык V	Верх-Кальджин-2
грудь			—
плечи			
предплечья			—
запястья	?	—	?
большие пальцы			?
остальные пальцы	—	—	?
голень			—
лодыжка			—

Рис. 1. Расположение татуировок на мужских мумиях из курганов пазырыкской культуры

их можно называть мужским (полностью представлен на двух мужских мумиях) и женским (на мужских мумиях не представлен).

В размещении **мужских татуировок** заметные явные закономерности (Рис. 1).

Во-первых, на левой стороне груди с переходом (через плечо или под мышкой) на левую сторону спины изображали барса (либо тигра) или фантастического хищника неопределённого семейства.

Во-вторых, рисунки наносили на руки от плеча до кисти. Это изображения так называемых копытных грифонов, горных баранов, лошадей и др. в позе с вывернутым крупом, т.е. агональной, «жертвенной»². У запястья и у плеча правой руки в одном

² Исследователи называют «жертвенными» различные позы копытных, но в единственной достоверной сцене жертвоприношения, выполненной золотой насечкой по железному клинку акинака из кургана 4 могильника Филипповка-1 [13, с. 86–87], жертвенный олень показан именно с вывернутым крупом, а значит, только эту позу и следует называть жертвенной.

случае изображены хищники — сверху барс (?), снизу грифон или крылатый волк, композиционно с копытными грифонами не связанные (во всяком случае, эта связь не очевидна). На больших пальцах татуировали изображения птиц (их принято считать петухами) в атакующей позе, с туловищем в основании пальца и шеей, вытянутой вдоль него. Такие изображения, если сплести пальцы рук, образовывали нечто вроде сцены схватки двух птиц³ (впрочем, парные рисунки встречены лишь один раз, в других случаях птица изображена лишь на одной руке).

В-третьих, изображения наносили на голень сбоку — это вереницы бегущих или идущих снизу вверх горных козлов. В одном случае на голеностопном суставе изображён фантастический хищник, а спереди на голени — большая хищная рыба головой вверх.

Какие-то изображения (может быть, хищников) размещались на спине в области поясницы, однако все они слишком сильно повреждены.

При всей неизбежной предварительности интерпретаций нельзя не заметить некоторого соответствия между сюжетами татуировок и ролью покрытых ими частей тела. Размещение крупных изображений хищников в области сердца заставляет вспомнить о том, что именно сердце часто считаетсяместилищем отваги, ярости и других качеств, соотносимых у многих народов с большими хищниками (в европейской традиции вспомним Ричарда Львиное Сердце). Бьющиеся в агонии копытные — образ побеждённого или жертвы — на руках, которыми человек совершает жертвоприношения, воинские и охотничьи подвиги. Бегущие (и безопасные для человека) травоядные из числа самых быстрых и выносливых — на ногах, которые должны быть и быстры, и выносливы. Всё это в целом соответствует обычной практике использования изображений в зверином стиле как средства благотворного магического воздействия на несущий изображение объект. Сходным образом с помощью изображений нужные качества «транслировались» предметам вооружения, а через предметы конской упряжи — верховым коням.

Рисунок рыбы на ноге, внизу, согласуется с принадлежностью рыб к «нижнему миру» кочевнической вселенной и, может быть, отражает некий космологический аспект звериного стиля; впрочем, в виде рыбы исполнены и пазырыкские деревянные поножи из Первого Туэктинского кургана [11, табл. LIX], так что этот рисунок, возможно, играл и какую-то защитную роль.

Очень интересен образ фантастического хищника с полосатым хвостом, иногда непропорционально длинным и сильно закрученным. Он сочетает черты тигра и рогатого волка, причём рога здесь — такие же, как у копытных грифонов (о них см. ниже). Системы в его размещении пока не видно, аналогий очень мало (лучшая — на большом ноинулинском ковре⁴), так что от интерпретаций, мне кажется, здесь пока следует воздержаться.

³ Это наблюдение впервые было сделано К. В. Чугуновым в одном из устных выступлений [4, с. 153], о чём я узнал уже после публикации в 2010 г. аналогичной своей догадки.

⁴ С. И. Руденко, указывая на эту ноинулинско-алтайскую аналогию, называл этого хищника «рогатым львом» [12, с. 79–80, табл. XLII–XLIII], но такое определение не может быть принято, поскольку нос у этой химеры не львиный, а как у волка или дракона. У алтайских монстров этой группы морда то волчья, то кошачья, но гривы — единственного надёжного указания на льва — нет ни в одном случае.

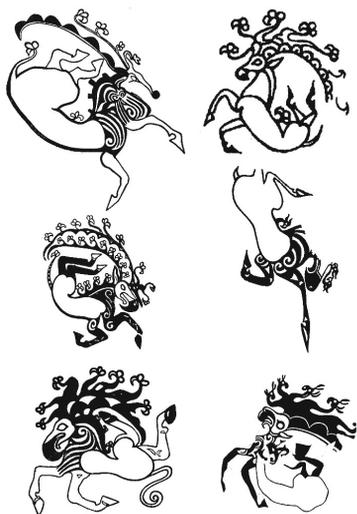

Рис. 2. Изображения «копытных грифонов» на татуировках

изображали в самых разных позах и композициях. Алтайские татуировщики «играли» с этим фантастическим образом, превращая основные рога в сложные орнаментальные полосы, а окончание третьего рога, стелющегося вдоль шеи, иногда «отрывали» от головы и трактовали уже как торчащую из спины животного птичью головку; эти элементы иногда использовались и при изображении фантастических хищников.

Всё это, на мой взгляд, доказывает: пазырыкские изображения копытных грифонов по сравнению с северокитайскими явно вторичны. Больше того, осмелюсь предположить, что горноалтайские кочевники хорошо знали «хозяев» этого образа и относились к ним не лучшим образом, отводя связанному с соседями чудовищу непремennую роль жертвы.

То, что воплощавшие такую роль изображения неустраимо наносились на тело, говорит о глубокой укоренённости, традиционности и даже, возможно, сакрализованности этого противостояния. Может быть, следует говорить о застарелой вражде или об имевшей место в прошлом войне. Тем интереснее полное исчезновение этого образа спустя несколько десятилетий, отделяющих Второй Пазырыкский курган от позднейшего Пятого. Можно предполагать, что в какой-то момент истории пазырыкцев направление их внешних связей резко изменилось, и это отразилось как в сопроводительном инвентаре погребений, так и в сюжетах и образах татуировок. На руке вождя

Совершенно особенное явление — образ так называемого «копытного грифона», монстра с туловищем и ногами копытного, хищным клювом и тремя рогами; два разных рога — оленя и архара — направлены вперёд и вверх, третий — джейрана или оленя — стелется вдоль гривы по направлению к спине; окончания рогов и отростков акцентированы головками или клювами хищных птиц⁵ (Рис. 2). Изобразительная практика древних кочевников Южной Сибири и более западных областей практически не знакома с этой химерой, зато в памятниках степей Северного Китая копытные грифоны встречаются сравнительно часто. Налицо свидетельство каких-то контактов между древними кочевниками Горного Алтая и их южными и юго-восточными соседями. Особенность подавляющего большинства пазырыкских татуированных изображений этих грифонов — устойчивая «жертвенная» поза с вывернутым крупом⁶, тогда как на юге и юго-западе их

Кроме того, хищников с устойчивым признаком — закрученным полосатым хвостом, по всей видимости, следует отличать от рогатого волка, которого С. И. Руденко называл львом.

⁵ Обзор имеющихся в литературе суждений об этом монстре см.: [1, с. 32–35].

⁶ В двух случаях — на деревянной бляхе из Большого Катандинского кургана и на золотой «верхнеудинской» бляхе Сибирской коллекции — копытные грифоны стоят, но и здесь их терзают вцепившиеся в горло хищники.

	женские		
	Пазырык II	Пазырык V	Ак-Алаха-3
грудь	—	—	—
плечи		—	
предплечья	?		
запястья		—	
большие пальцы	—		
остальные пальцы	?	✚ ✚ +	знаки?
голень	—	—	—
лодыжка	—	—	—

Рис. 3. Расположение татуировок на женских мумиях из курганов пазырыкской культуры

из Пятого Пазырыкского кургана бьются в агонии уже не копытные грифоны, а куланы или лошади.

Ещё более показательны **женские татуировки** (Рис. 3).

Насколько можно судить по имеющимся образцам, женские татуировки имели как черты сходства с мужскими, так и отличия от них. Сходство сводится к изображениям агонизирующих копытных на руках и птицы на большом пальце. Отличий гораздо больше: нет крупных рисунков хищников в области сердца и бегущих копытных на голени, зато дважды встречены «браслеты» из изображений оленьего рога на левом запястье; изображения на пальцах напоминают знаки и растительные мотивы; самое же яркое отличие — сцены терзания, нанесённые на предплечья женщин из Ак-алахинского и Пятого Пазырыкского курганов. Особенно интересны пазырыкские изображения.

На левой руке погребённой показана сцена нападения грифа на взрослого лося. Это обычная для пазырыкской культуры композиция с заведомо фантастическим (а значит,

Рис. 4. Татуированная сцена терзания с правого предплечья женской мумии, Пятый Пазырыкский курган (добавлен фон)

общего композиционного решения хищников заменяют копытные [14, S. 153, Kat. 403; S. 200, Kat. 523–525].

Пазырыкская татуированная сцена по сравнению с этим стандартом явно вторична, она искажена — в частности, вместо одной жертвы в центре круга хищников изображены две (возможно, ради заполнения рисунком всего предплечья), нарушена симметричность расположения фигур хищников (может быть, для того, чтобы барс оказался симметричен нижнему тигру, т. е. центральная симметрия уступила место осевой). Во всех этих искажениях просматривается творческий поиск мастера-татуировщика, стремившегося решить подлинно художественную задачу и даже, осмелюсь предположить, приносящего традиционный стандарт в жертву эстетике — т. е. шагнувшего в своём развитии дальше, чем большинство его пазырыкских собратьев по ремеслу, и создавшего единственную в своём роде композицию, не имеющую ни одной точной аналогии ни на Алтае, ни за его пределами.

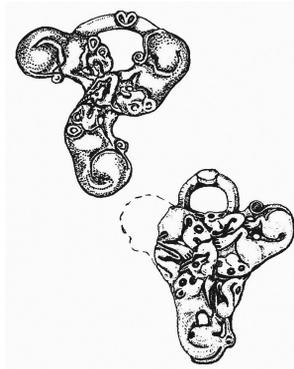

Рис. 5. Пряжки I тыс. до н. э. с многофигурными сценами терзания: вверху — Павлодарское Прииртышье, по А. К. Акишеву [2]; внизу — Прикамье, по С. А. Васильеву [7]

сакральным) сюжетом: сходные сцены хорошо известны, например, по кожаным аппликациям на седельных покрывах. Аналогии же многофигурной композиции из трёх хищников, окруживших терзаемых копытных (на правом предплечье), (Рис. 4) обнаруживаются только к западу от Горного Алтая. Это свастикообразные композиции на пряжках и нашивных украшениях, представляющие исходный вариант сюжета: жертвенное копытное в кольце из трёх хищников [2; 7, с. 280, рис. 5]. Такие свастикообразные композиции представляют сложившийся и, судя по разбросу находок (от Восточного Казахстана до Прикамья), очень широко распространённый иконографический стандарт (Рис. 5). Он имел свою долгую историю. Возможно, древнейшая известная сцена такого рода, ещё весьма схематичная в композиционном отношении, представлена на золотой прямоугольной накладке горита из Келермеса (курган 4), где 24 оленя окружены 32 пантерами. Другие (надо думать, позднейшие) находки показывают разложение стандарта: есть бляхи, где появляются дополнительные фигуры, либо при сохранении

Отразившееся в указанных аналогиях направление связей согласуется, во-первых, с западными аналогиями вещественным находкам и изображениям из Пятого Пазырыкского кургана: женский головной убор имеет ближайшую аналогию в «сцене под деревом» на золотой бляхе Сибирской коллекции, происходящей откуда-то с территорий к западу от Алтая; «сцена предстояния» (инвести-

туры?) с большого войлочного ковра аналогична широко распространённому на западе сюжету, совершенно отсутствующему в культурах к востоку и юго-востоку от Горного Алтая; четырёхколёсные повозки, аналогичные пазырыкской, в Китае не использовались, а на западе есть немало соответствующих изображений и серия вещественных остатков в скифских курганах⁷. Во-вторых, западное направление связей прослеживается и по вещественным импортам: иранские (в широком смысле) ткань с чепрака и ворсовый ковёр «уравновешивают» пазырыкские находки китайского происхождения — вышивку на шёлке из Пятого и обломок зеркала из Шестого курганов Пазырыкского могильника.

Скорее всего, погребённая в Пятом Пазырыкском кургане женщина была родом откуда-то из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири. Она появилась среди пазырыкцев, надо полагать, вследствие замужества, связанного с общим усилением западных связей культуры — и, судя по всему, в ущерб интенсивности сношений с юго-восточными соседями. Учитывая хронологию памятников и событий, можно предполагать, что переориентация эта была следствием какого-то движения кочевых племён Казахстана и Средней Азии, вызванного, в свою очередь, падением державы Ахеменидов.

Таким образом, пазырыкские татуировки не только донесли до нас галерею художественных образов и сюжетов звериного стиля, но и запечатлели сложную систему контактов пазырыкской культуры и, возможно, их динамику в IV—III вв. до н. э. Хочется верить, что дальнейшее изучение иконографии, системы аналогий и хронологического соотношения памятников позволит выяснить, отголоски каких именно событий того времени отражены в татуировках — от древнейших китайско-кочевнических войн до греко-македонской экспансии.

Литература

1. *Азбелев П. П.* Пазырыкское наследство и юэчжийская проблема // *Stratum plus*. — 2015. — № 4. — С. 23–55.
2. *Акишев А. К.* Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. — Алма-Ата: Наука, 1976. — С. 183–195.
3. *Баркова Л. Л.* Фантастические звери на татуировках алтайского вождя // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пёстрых глав...»: в 5 кн. — Кн. 3. — СПб: ГЭ, 2014. — С. 98–101.
4. *Баркова Л. Л.* Изображение петуха в искусстве древнего Алтая // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. — 2015. — Вып. 40. — С. 143–156.
5. *Баркова Л. Л., Панкова С. В.* Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов: (новые материалы) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2005. — № 2 (22). — С. 48–59.
6. *Бессонова С. С.* О скифских повозках // *Древности степной Скифии* / Отв. ред. А. И. Тереножкин. — Киев: Наукова думка, 1982. — С. 102–117.
7. *Васильев Ст. А.* Ананьинский звериный стиль: Истоки, основные компоненты и развитие // *Археологические вести*. — Вып. 11. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 275–297.
8. *Молодин В. И., Парцингер Г., Цвээндорж Д.* Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). — М.: Триумф принт, 2012. — 566 с.
9. *Полосьмак Н. В.* Татуировка у пазырыкцев // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2000. — № 4. — С. 95–102.

⁷ См. список находок и подробное их обсуждение: [6]. Именно сопоставление пазырыкской повозки со скифскими позволяет уверенно связывать уникальную алтайскую находку с женским погребением в Пятом Пазырыкском кургане.

10. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 402 с.
11. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 360 с.
12. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 206 с.
13. Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): Каталог коллекции. Кн. 1. — М.: ИА РАН, 2013. — 232 с.
14. Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013; Bd. 1/ Hrsg. von Stöllner Th., Samasev Z. — Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2013. — XIX, 532 S.

Название статьи. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний.

Сведения об авторе. Азбелев Павел Петрович — методист I категории. Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186. azb13@hotmail.com

Аннотация. Пазырыкская культура Горного Алтая (вторая половина I тыс. до н. э.) знаменита хорошей сохранностью органических материалов, не ислевших благодаря подкурганной мерзлоте. В статье рассмотрены древнейшие татуировки в зверином стиле, найденные на мумиях семи человек из пяти погребений. Впервые в научной литературе рассмотрена система размещения основных татуировок на теле и её развитие, интерпретируемое с учётом территориального и хронологического распределения иконографических аналогий. Рисунки поддаются первичной систематизации: можно говорить о мужском и женском наборе изображений.

Сюжеты татуировок соотносятся с ролью несущих их частей тела и представляют собой использование звериного стиля как средства магического воздействия на несущий изображение объект. В числе персонажей татуировок — крупные хищники, чьи качества соотнесены с областью сердца, вместилища отваги, ярости и т. д.; нанесенные на руки изображения агонизирующих копытных в «жертвенной» позе передают образ побеждённого или жертвы; образы бегущих травоядных помещены на ногах, которые должны быть быстры и выносливы. Образ копытного грифона свидетельствует о контактах алтайских кочевников с обитателями Северного Китая и Монголии. Пазырыкские изображения вторичны и, вероятно, указывают на враждебные отношения кочевников с соседями. То, что они неустраимо наносились на тело, указывает на укоренённость и, возможно, сакрализованность этой вражды.

Женские татуировки отличаются от мужских сценами терзания, аналогичными композициям с территориями к западу от Алтая: исходный сюжет — жертва в кольце из трёх хищников. Отразившись в татуировках направление связей согласуется и с импортами из Пятого Пазырыкского кургана, и с западными аналогиями находкам из него. Татуированная женщина могла быть родом из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири и появилась на Алтае вследствие замужества, связанного с усилением западных связей культуры — похоже, в ущерб сношениям с юго-восточными соседями.

Пазырыкские татуировки не только сохранили серию художественных образов и сюжетов звериного стиля, но и, возможно, запечатлели систему контактов пазырыкской культуры и их динамику в IV–III вв. до н. э. Дальнейшее изучение аналогий и хронологического соотношения памятников позволит выснить, отголоски каких событий того времени отражены в татуировках.

Ключевые слова: Пазырыкские курганы; татуировки.

Title. Pazyryk Tattoos as an Artistic Testimony of Ancient Wars and Marriages.

Author. Azbelev, Pavel Petrovich — methodist of Educational Department. The State Hermitage Museum, Dvortsovaia nab., 34, 191186 St. Petersburg, Russian Federation. azb13@hotmail.com

Abstract. The Pazyryk culture of the Altai mountains (second half of the 1st millennium BCE) is famous for its well-preserved organic materials which survived due to the permafrost beneath the barrows. Of all the extant objects that come from five burials the oldest tattoos in Animal style, found on seven human mummies, attract special attention. Pioneering is the author's approach to the finds based on the principles of mapping main tattoos on the body with its interpretation: the development of the principles is traced according to territorial and chronological spreading of iconographic analogues. Finds of this kind allow us to propose certain preliminary systematization: it is possible to distinguish sustainable sets of images different for males and females.

Meaning of a tattoo correlates to the role which a body part that bears it played in a person's life. Large images of predators placed closer to the heart make us recall that it is heart that is often considered to be the seat of

courage, rage, and other characteristics by many folks associated with large predators. Ungulates shown in agony as defeated animals or victims are placed on forearms — it is with their hands that people fight, hunt, and make sacrifices. On legs, which are to be fast and strong, there are running herbivore animals chosen from among the most fast and hardy. All this is common for Animal style as a magic mascot that was believed to influence the carrier of a certain image.

An image of a hooped griffin is quite a special phenomenon originating from Northern China and Mongolia. The Pazyryk images of these griffins are imitative; the Altai nomads should have associated the image of this monster with their neighbours endowing it with the idea of victim, and not only they knew the “owners” of the image, but also feuded and fought with them.

Analogies to the composition with predators surrounding tortured ungulates are found to the West of the Altai mountains. Communicative vector which is presented here corresponds with the Western analogies to the finds and imported items that come from the Fifth Pazyryk barrow. Perhaps, the woman buried there, born in Eastern Kazakhstan or in South-West of Siberia, could have arrived to the Altai via marriage as a result of strengthening ties between the Pazyryk culture and the West, to the detriment of connections with South-Eastern neighbours. It is possible that the Pazyryk tattoos in Animal style depict the system of the Pazyryk culture's contacts and their dynamics in the 4th–3rd centuries BCE.

Keywords: the Pazyryk barrows; tattoos.

References

- Akishev A. K. New Artistic Bronze Ware of the Sakas' Time. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Kazakhstan Past According to Archaeological Sources)*. Alma-Ata, Nauka Publ., 1976, pp. 183–195 (in Russian).
- Azbelev P. P. The Pazyryk Heritage and the Yuezhi Problem. *Stratum Plus*, 2015, no. 4, pp. 23–55 (in Russian).
- Azbelev P. P. Towards the Research of Pazyryk Tattoos. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskii State university Publ., 2013, no. 5 (17), pp. 78–82 (in Russian).
- Barkova L. L. Fantastic Beasts in an Altai Chieftain' Tattoos. *250 istorii pro Ermitazh: "Sobranè pestyrykh glav..." v 5 knigakh. Kniga tretia (250 Stories about the Hermitage: "A Heap of Motley Chapters..." in 5 vols. Vol. 3)*. Saint Petersburg, State Hermitage Publ., 2014, pp. 98–101 (in Russian).
- Barkova L. L. The Cockerel Design in Ancient Altai Art. *Arkheologicheskii Sbornik (Archaeological Collected Papers)*, no. 40. Saint Petersburg, State Hermitage Publ., 2015, pp. 143–156 (in Russian).
- Barkova L. L.; Pankova S. V. Tattooed Mummies from the Large Pazyryk Mounds: New Finds. *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 2005, no. 2, pp. 48–59 (in Russian).
- Bessonova S. S. On the Scythian Carts. *Drevnosti stepnoi Skifii (Antiquities of the Steppe Scythia)*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1982, pp. 102–117 (in Russian).
- Iablonskii L. T. *Zoloto sarmatskikh vozhdèi. Elitnyj nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009). Katalog kollekcii. Kniga 1 (The Sarmatian Kings' Gold: The Elite Necropolis of Filippovka 1 (upon the Materials of the 2004–2009 Excavations). The Collection Catalogue, vol. 1)*. Moscow, Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2013. 232 p. (in Russian).
- Molodin V. I.; Paringer G.; Cevendorzh D. *Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury na iuzhnykh sklonakh Saliugema. Mongol'skii Altai (Frozen Funerary Complexes of the Pazyryk Culture on Southern Slopes of the Sajliugem Range. Mongolian Altai)*. Moscow, Triumph Print Publ., 2012. 566 p. (in Russian).
- Polosmak N. V. Tattoos in the Pazyryk World. *Arkheologija, etnografija i antropologija Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 2000, no. 4, pp. 95–102.
- Polosmak N. V. Tattoos of the Pazyryk People. *Arkheologija, etnografija i antropologija Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 2000, no. 4, pp. 95–102 (in Russian).
- Polosmak N. V. *Vsadniki Ukoka (The Ukoka Riders)*. Novosibirsk, Infolio-Press Publ., 2001. 336 p. (in Russian).
- Rudenko S. I. *Frozen Tombs of Siberia. Burials of the Pazyryk Iron Age Horsemen*. Los Angeles, University of California Press, 1970. 529 p.
- Rudenko S. I. *Kul'tura hunnov i Noinulinskije kurgany (The Culture of the Hsiung-nu and the Noim Ula Barrows)*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1962. 206 p. (in Russian).

Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (The Culture of the Upland Altai Inhabitants in Scythian Time)*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1953. 402 p. (in Russian).

Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (The Culture of the Central Altai Inhabitants in Scythian Time)*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1960. 360 p. (in Russian).

Rudenko S.I. The Most Ancient "Scythian" Tattoo. *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)*, 1949, no. 3, pp. 133–143 (in Russian).

Stöllner Th.; Samasev Z. (eds.). *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013, vol. 1*. Bochum, Dt. Bergbau-Museum Publ., 2013. 551 p. (in German).

Vasil'ev St. A. The Anan'ino Animal Style. Origins, Basic Components and Development. *Arkheologicheskie vesti (Archaeological Reports)*, no. 11. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 275–297 (in Russian).